

РОССИЯ ПРЕДЛАГАЕТ ПОЛИТИКУ «ЕДИНЫХ ПРАВИЛ»

Никита Куркин, Борис Межуев

Американский экономист Джон Уильямсон в 1989 году обратил внимание на любопытный факт: и представители президентской администрации, и большинство обеих палат конгресса, и подавляющая часть сотрудников разного рода «мозговых центров», и руководители Федеральной резервной системы, и прочие обитатели вашингтонских офисов в тех случаях, когда они говорят, применительно, скажем, к странам Латинской Америки, о необходимости проведения «правильных» экономических реформ, **«о верном направлении хозяйственного регулирования»**, исходят из одной весьма определенной системы представлений. Из какого-то общего видения экономической политики. Уильямсон провел блестящее, в точном смысле слова, «интеллектуальное расследование» и сформулировал по его итогам десять пунктов той экономической доктрины, на признании которой, по его мнению, сходятся почти все обитатели политического Вашингтона. Уильямсон назвал эту доктрину **«вашингтонским консенсусом»**, и с этого времени данное выражение стало обозначать совокупность всего того, к чему стремятся Соединенные Штаты в тех странах, которым они (или контролируемые ими международные финансовые организации) предоставляют кредиты.

О смерти «вашингтонского консенсуса» как экономической доктрины сегодня говорят многие обозреватели и влиятельные политики, включая премьер-министра Великобритании Гордона Брауна. Дело не только в последствиях финансового кризиса, но главным образом в том, что сегодня политический Вашингтон чаще всего пытается добиться от своих партнеров совсем иных шагов, чем те, что предписывает пресловутый «консенсус»: скажем, не снижения, но подъема курса националь-

ной валюты — в первую очередь юаня.

Любопытно посмотреть, **имел ли экономический «вашингтонский консенсус» свою политическую проекцию**, можно ли было сформулировать некий набор принципов, которым руководствовались политики в Вашингтоне, когда они что-то хвалили и что-то осуждали, наблюдая политические преобразования в той или иной стране.

На самом деле сделать это будет сложно или почти невозможно: в отличие от экономической политики, в политике государственной принципиально большее значение имеют **пресловутые «двойные стандарты»**. А это значит, что в определенных ситуациях полезно поддерживать независимость бунтующих регионов, а в других ситуациях выгодно настаивать на территориальной целостности, в одних случаях позволительно закрыть глаза на создание страной ядерного потенциала, а в других — начать мощнейшую кампанию по недопуще-

ропа, ни Латинская Америка, ни Соединенные Штаты — ни одна из этих великих цивилизаций не была готова согласиться на выработку согласованного политического подхода. В каком-то смысле исключением из общего правила стала Россия, которая устами президента Дмитрия Медведева заявила о готовности начать вместе с Европой процесс перезаключения Договора о европейской безопасности для воссоздания в отдаленном будущем пространства единых правовых норм — от Ванкувера до Владивостока. Хотя бы на просторах глобального Севера должен был действовать единый правовой стандарт, на эти пределы должен был распространяться новый политический консенсус.

Инициатива Медведева, условно говоря, своего рода **программа «московского консенсуса»**, пока остается на уровне проекта. Однако окончательный провал бушистской «глобальной демократизации» в Афганистане показывает, что у этого

Несмотря на преобладающее доминирование США на мировой арене и господство неолиберальной экономической модели, получить признание идея «американского принципата» всеобщего консенсуса не может просто по определению

нию включения данного государства в клуб ядерных держав. И, по всей видимости, «вашингтонский консенсус» пришел к кризису даже не потому, что оказался экономически бесперспективен, а потому что никто никогда не отважился выработать аналогичный консенсус в области государственного строительства и межгосударственного взаимодействия.

Трезвые политики очень быстро согласились с тем, что **единых правил нет и быть не может**, что подход ведущих держав к политическим процессам всегда будет эгоистичен и конъюнктурен. Ни Китай, ни Ев-

проекта есть будущее. Прежде чем говорить о том, что единым политическим стандартом должна быть демократия, нужно за шаг до этого договориться о том, что таковой единый стандарт — каким бы он ни был — необходим и возможен. Если не на пространстве от Ванкувера до Владивостока, то хотя бы — от Урала до Атлантики. **Нельзя добиться единой согласованной политики в мире, в котором дискредитирована сама идея «единства».**

Если бы глобального финансово-экономического кризиса 2008—

2009 годов не было, США, наверное, следовало бы его выдумать. Ибо кризис предоставляет крайне выгодную возможность руководству США перестроить пришедшую в негодность после правления Джорджа Буша-младшего архитектуру международной безопасности (воспользуется ли этим шансом администрация Барака Обамы — другой вопрос).

Поисками идеологического обоснования политического господства Америки и экономического преобладания неолиберализма занимались не только прямолинейные неоконсерваторы со своим «Проектом за новый американский век», но и более «гибкие» сторонники этой же самой идеи американского господства. Последние тиражировали «Лиги демократий» и другие концепции американского господства в стиле принципата Августа — «первые среди равных» (демократий), — в конце концов, и «Проект за новый американский век» переформатировался в «Инициативу внешней политики», проповедующую аккурат то же самое.

Вполне очевидно, что, несмотря на преобладающее доминирование США на мировой арене и господство неолиберальной экономической модели, **получить всеобщее признание идея «американского принципата» не может просто по определению.** И сложно не предположить, что в Вашингтоне, как и в Париже, Москве или Пекине, прекрасно отдают себе в этом отчет. И что руководители этих стран пытались найти какие-то более приемлемые формы для всемирного консенсуса.

Можно даже выдвинуть версию, что странная история с появлением, бурным ростом и внезапным исчезновением антиглобализма была как раз формой поиска подобного консенсуса на социально более приемлемой основе, чем неолиберализм. Было подготовлено и теоретическое оформление этого консенсуса — трудами Мануэля Кастельса об «информационной эпохе», например. Но в начале «нулевых» годов этот проект, очевидно, был признан слишком революционным и впоследствии дезавуирован.

Сейчас элиты как западных, так и незападных стран получают карт-бланш на серьезные структурные изменения политического порядка. Глобальный кризис 2008—2009 годов предоставляет политикам ведущих мировых держав уникальную возможность трансформировать систему международных отношений — выстроить новый, гораздо более приемлемый консенсус всемирного политического управления. Страны — контрагенты США имеют возможность настаивать на переформатировании дискредитированной, сложившейся после распада СССР, системы без излишнего ущерба для чести политического Вашингтона, в котором уже существует консенсус касательно неприятия методов и рецептов предшественника Барака Обамы.

Великая депрессия когда-то предоставила администрации Франклина Делано Рузвельта огромный кредит доверия на реформирова-

ние Америки. Предотвращение подобного развития событий в глобальных масштабах дает кредит доверия руководству США, России, ЕС, Китая, странам третьего мира на заключение де-факто «мирного договора» о новых принципах функционирования международного — действительно постамериканского — сообщества.

На самом деле, вероятно, не следует даже увлекаться перечнем пунктов, любимым делом американских стратегов и аналитиков, от Вудро Вильсона до Джона Уильямсона, — хорошо бы взять один пункт политической повестки (тот же сюжет с нерушимостью границ) и договориться о том, что в отношении него в конкретных случаях впредь не будет разночтений. Что участники мирового политического процесса сходятся в общей кантианской устремленности к универсальности морально-политических предписаний и, по крайней мере, в одном пункте их слова не расходятся с делом. ■